

УДК 291.4

**К вопросу о советской
государственной
вероисповедной политике:
постановление
Политбюро ЦК ВКП(б)
о борьбе с мусульманским
религиозным движением
(1927-1928 гг.)**

С. М. Исхаков,

*Институт российской истории РАН,
г. Москва, Российская Федерация*

**On the issue of Soviet state
religious policy: resolution
of the Politburo of the
Central Committee of the
All-Union Communist Party
of Bolsheviks on the fight
against the Muslim religious
movement (1927-1928)**

S. M. Iskhakov,

*Institute of Russian History, the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, the Russian Federation*

Аннотация

Многие ключевые вопросы советской государственной политики в сфере свободы совести мусульманского населения не освещены в историографии из-за отсутствия тех или иных документов, исходивших из высших органов власти, прежде всего из Политбюро ЦК ВКП(б)-КПСС. Цель данной статьи – рассмотреть на основе ряда впервые вводимых в научный оборот архивных материалов и с применением историко-генетического, сравнительного, нарративного методов исследования религиозную политику Политбюро ЦК ВКП(б) в отношении мусульманского населения СССР во второй половине 1920-х гг., показать, как преломлялась эта политика на низовом уровне ее исполнителями, а также как ее воспринимали представители мусульманского мира в Татарстане. Впервые представлена секретная директива Политбюро ЦК ВКП(б) по борьбе с мусульманским религиозным движением, которая разрабатывалась в течение 1926-1928 гг. Это постановление положило начало тайной политике советского государства в отношении мусульманского населения СССР. В этой директиве содержатся тезисы, которые, с одной стороны, отражают реальную историческую ситуацию, показывающую прочность религиозного сознания мусульманских масс и их стремление сочетать преподавание светских предметов и обучение исламскому вероучению, с другой – содержат разного рода выдумки большевистских идеологов и пропагандистов в отношении ислама, мусульманских священнослужителей и их деятельности. Религиозная политика, основанная на установках большевистских идеологов и решениях высших партийных и государственных органов СССР, которая касалась регулирования различных аспектов деятельности религиозных объединений и права граждан верить или не верить, очень скоро противоречила советской Конституции 1918 г.

Abstract

Many key issues of Soviet state policy in the field of freedom of conscience of the Muslim population are not covered in historiography due to the lack of certain documents emanating from the highest authorities, primarily from the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)-CPSU. The purpose of this article is to consider, based on a number of archival materials introduced into scientific circulation for the first time

and using historical-genetic, comparative, narrative research methods, the religious policy of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in relation to the Muslim population of the USSR in the second half of the 1920s, to show how this policy was refracted at the grassroots level by its implementers, and also how it was perceived by representatives of the Muslim world in Tatarstan. For the first time, the secret directive of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the fight against the Muslim religious movement, which was developed during 1927-1928, is presented. This decree marked the beginning of the secret policy of the Soviet state towards the Muslim population of the USSR. This directive contains theses that, on the one hand, reflect the real historical situation, showing the strength of the religious consciousness of the Muslim masses and their desire to combine the teaching of secular subjects and teaching the Islamic faith, on the other hand, they contain various kinds of inventions of Bolshevik ideologists and propagandists regarding Islam, Muslim clerics and their activities. Religious policy, based on the guidelines of Bolshevik ideologists and decisions of the highest party and state bodies of the USSR, which concerned the regulation of various aspects of the activities of religious associations and the right of citizens to believe or not to believe, very soon contradicted the Soviet Constitution of 1918.

Ключевые слова

Конституция, Политбюро ЦК ВКП(б), Татарский обком, мусульманское движение, ислам, Г. Г. Байчурин, Р. Ф. Фахретдинов, М. М. Хатаевич.

Keywords

Constitution, Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, Tatar regional committee, Muslim movement, Islam, G. G. Baichurin, R. F. Fakhretdinov, M. M. Khataevich.

Опыт выработки и реализации государственной вероисповедной политики в отношении мусульманского населения СССР, равно как и мотивы его поведения в тот или иной период, в том числе в 1920-е гг., вызывают неослабевающий общественный и научный интерес.

Различные аспекты религиозной политики в отношении этой части населения СССР были предметом внимания советских обществоведов. Для них был характерен классовый подход к оценке событий, из которого вытекало негативное отношение к роли религии как якобы фактора отсталости, в том числе мусульман, который мешал строительству нового атеистического общества.

Согласно распространенной в современной российской историографии точке зрения, хотя во второй половине 1920-х гг. государственная политика в отношении всех конфессий приобрела характер антирелигиозной борьбы, выдвинутые советским руководством задачи по борьбе, в частности, с мусульманским религиозным движением не означают, что эта кампания велась с целью запрета ислама. Причина, как считается, состояла в том, что данная религия рассматривалась высшим политическим руководством СССР как декоративный фасад внешнеполитической деятельности при контактах с мусульманским миром, где коммунисты рассчитывали найти союзников в борьбе с «мировым капитализмом», стимулируя борьбу против него подвластных западным странам колоний и рассчитывая на то, что колониальные народы последуют примеру «трудящихся советского Востока».

Другая распространенная точка зрения состоит в том, что в конце 1920-х гг. высшее политическое руководство в СССР предприняло меры по окончательному уничтожению этой религии, по физической ликвидации наиболее активных ее последователей. В те же годы главными направлениями антиисламской политики советского государства стали: политическое (преследование духовенства и конфессиональных объединений); правовое (лишение религиозных институтов всех общественных функций, отсутствие гарантии свободы совести); экономическое (подрыв

организационно-хозяйственных основ конфессиональной деятельности); идеологическое (признание за атеизмом статуса государственной теории, критика религиозного мировоззрения как одной из форм буржуазной идеологии)¹. Несмотря на обилие публикаций, в которых доминирует та или другая точка зрения, многие ключевые вопросы остаются тем не менее дискуссионными из-за отсутствия ряда документов, исходивших из высших органов власти, которые по тем или иным причинам не стали до сих пор предметом изучения. К ним относятся секретные постановления Политбюро ЦК ВКП(б)-КПСС в отношении ислама, которые появлялись вплоть до распада СССР. Когда у исследователей появится возможность проанализировать все эти директивы, тогда можно сделать окончательный вывод об исламской политике высшего политического руководства СССР, ее особенностях, ее авторах, но это весьма отдаленная научная перспектива.

Освещение этой политики принято начинать с первых публичных документов советского государства. Так, в первой советской Конституции (1918 г.) провозглашалось: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 13). Сложившаяся через несколько лет ситуация в Татарской АССР позволяет представить, как на практике относилась партийная верхушка в различных частях СССР к конституционному праву мусульман на религиозную пропаганду.

Из Москвы в Казань в ноябре 1925 г. был направлен в качестве ответственного секретаря Татарского обкома РКП(б) М. М. Хатаевич, который до этого являлся заместителем заведующего Организационно-распределительным отделом ЦК РКП(б). Вскоре при новом руководителе республики, как отмечает И. Р. Тагиров, обстановка в Татарской партийной организации стала накаленной из-за межнациональных отношений². Одним из острых вопросов политической жизни республики было отношение к исламу, верующим татарам и мусульманским священнослужителям. Деятельность последних, по данным И. Р. Миннулина, стала обозначаться в документах ГПУ как религиозное, религиозно-националистическое движение, и была выработана концепция мусульманского движения в Татарии и других регионах. С начала 1926 г., по его данным, начались активные действия власти в республике против мусульманского религиозного движения. Их причиной стало прежде всего резкое, как утверждали представители власти, увеличение числа религиозных школ, что сильно встревожило государственные и партийные органы республики³. То есть право мусульман на религиозную пропаганду при большевиках через несколько лет их власти уже считалось властью опасным для нее процессом. Рост количества религиозных школ при мечетях воспринимался властью как важный элемент мусульманского движения, на самом же деле этот процесс отражал стремление татарского народа реформировать в новых условиях то, что было в его жизни с давних времен, и никакой угрозы для власти не представляло. Причина негативного отношения к этим школам при новом руководстве республики заключалась в стремлении Хатаевича и его покровителей в цеховской верхушке, а также его сторонников в Казани развязать борьбу с влиянием ислама. В Москве решили начать эту кампанию с Татарской республики.

10 августа 1926 г. Бюро Татарского обкома ВКП(б), рассмотрев вопрос о религиозном движении среди татар, отметило оживление его за последние годы. В принятом тогда постановлении обкома объяснялось, что одна из главных причин этого явления – рост нэпмановской и кулацкой национальной буржуазии, которая оказывала широкую поддержку мусульманскому духовенству, а главной формой проявления активности религиозного движения являлась работа религиозных школ.

Поэтому обком наметил основные направления антирелигиозной пропаганды: расширение сети советских школ в татарских селах, улучшение их материальной базы, пропаганда общеобразовательной политики советской власти и преимуществ светской школы и т. д.⁴ Это постановление, о котором лишь вскользь упоминается в публикациях, было обнародовано 1 сентября 1926 г. в казанском журнале «Спутник партийного активиста» – ежемесячном печатном органе данного обкома. Учитывая, что данный документ не стал предметом детального анализа татарстанских историков, попытаемся это сделать.

В постановлении «О религиозном движении» утверждалось, что у обкома имелись данные о «сильном росте» религиозного движения среди татарской части населения Татарской АССР, что основной и легальной базой, вокруг которой развивалось это движение, якобы являлись религиозные школы при мечетях, созданные на основе постановления ВЦИК РСФСР от 19 мая 1923 г. Далее признавалось, что рост и развитие этих школ значительно облегчались недостаточным количеством и слабым качеством советских школ в татарских селах. Наряду с использованием религиозной школы духовенством, как сказано в документе, «проводится упорная работа по расширению легальных возможностей во всех других направлениях» и по расширению своего влияния среди широких слоев крестьянства, особенно среди женщин, выставляя в качестве основных лозунгов своей агитации расширение политических прав духовенства, обоснованно, подчеркнем, требуя на основании декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви «совершенный отказ соввласти от административного регулирования и наблюдения за религиозными школами» и т.д. Далее заявлялось, что в своей агитации духовенство стремилось совершенно «затемнить различие между понятиями объединения по признаку национальному и религиозному, чем оно» якобы «добивается усиления как панисламистских, так и националистических настроений среди широких слоев верующих татар», что имелся якобы «рост наступательной активности духовенства на идеологическом и политическом фронте»⁵. Эти рассуждения о некоем «затемнении» сознания, о панисламизме, о национализме, о наступлении духовенства – выдумки цеховских и обкомовских политработников.

Партийная организация и советские органы республики, по оценке Хатаевича и его соавторов, не учитывали должным образом серьезного значения, значительных размеров и темпа роста религиозного движения и не уделяли достаточного внимания задачам борьбы с ним. В сельских партийных ячейках имело место, как сказано далее в документе, «даже некоторая растерянность в связи с ростом религиозного движения и незнания, как повести с ним борьбу». Религиозное движение в тех формах, в которых оно развернулось, по существу, направлено, убеждали авторы документа своих читателей, якобы против большевистской партии и советской власти и имело своей целью якобы ослабление влияния партии и власти среди населения.

Исходя из всего изложенного, бюро обкома, фактически Хатаевич, выдвинуло как «серьезнейшую задачу» для всей парторганизации борьбу с якобы усиливающейся деятельностью духовенства, укрепляя и расширяя со стороны партии и власти мероприятия, которые «не только препятствовали и противодействовали бы дальнейшему росту религиозного движения, но и привели бы к его ослаблению и постепенному полному изживанию».

С этой целью бюро обкома предложило ряд мер. Так, в п. 3 постановления было сказано: «Учитывая недостаток антирелигиозной литературы на татарском языке, ходатайствовать перед Антирелигиозной комиссией при ЦК ВКП(б) о срочном содействии в издании ее «как для Татарии, так и других тюркских районов и республик». Этот пункт, таким образом, был рассчитан также на другие

*Учащиеся Больше-Менгерской татарской школы. 1934 г.
Из личной коллекции С. М. Исхакова.*

*Pupils of the Bolshe-Menger Tatar school. 1934.
From the personal collection of S. M. Iskhakov.*

регионы и республики с мусульманским населением, означает далеко идущие замыслы не только самого Хатаевича, но и стоявших за ним цеховских пропагандистов и политтехнологов.

В п. 4 постановления, признавая отсутствие в самой Татарии достаточных материальных ресурсов для расширения школьного строительства, улучшения состояния сети политико-просветительных учреждений в деревне и снабжения ее популярной антирелигиозной, естественно-научной и агрономической литературой, предлагалось «решительно настаивать» через ЦК ВКП(б) об отпуске из СНК РСФСР «специальных средств» для этого. А это значит, что руководство обкома намеревалось получить дополнительное финансирование своей пропагандистской работы в республике, щедро оплачивая тех, кто был вовлечен в реализацию подобных намерений обкома.

В п. 6 постановления содержалась нужная при этом инициатива: предложить соответствующим органам установить более тщательный контроль и наблюдение над деятельностью религиозных школ и «применять строгие меры воздействия» в отношении тех, кто нарушает правила и законы. Здесь речь идет о карательных органах, которые, таким образом, получали фактически полную свободу действий в этом плане, используя все методы, в том числе насилие, угрозы и шантаж.

В п. 7 постановления было заявлено, что составление представителями духовенства списков верующих оказалось в их руках средством «запугивания и терроризирования» населения. Этот тезис – еще одна выдумка большевистских пропагандистов, пытавшихся свалить на мусульманских священнослужителей то, чем занимались карательные органы в их отношении.

В п. 8 постановления требовалось, чтобы за проводимой со стороны духовенства массовой работой среди населения был установлен более полный и тщательный административный надзор, решительно не допуская использования духовенством своей религиозной организации для целей политической пропаганды. Этот пункт направлен на то, чтобы заставить местные органы власти включиться в эту кампанию.

В п. 10 постановления, в продолжении п. 6, содержалось указание органам ГПУ «усилить и углубить работу по части большего и более лучшего использования внутренних разногласий среди мулл с тем, чтобы отвлечь их внимание от другой вредной для нас работы»⁶. Эта фраза – еще одно доказательство того, что в ГПУ такая практика применялась, о чем обычные верующие не догадывались.

В журнальном тексте постановления была опущена часть п. 6, где было сказано о постановке перед ЦК ВКП(б) и ЦИК Советов вопроса о пересмотре постановлений ВЦИКа и наркомпросовских инструкций по религиозному обучению⁷. Разумеется, сам Хатаевич не мог выдвинуть такое предложение, которое исходило из цековской верхушки, откуда Хатаевичу было дано поручение начать кампанию по борьбе с влиянием ислама, используя Татарскую республику как экспериментальную территорию, чтобы сфабриковать соответствующий предлог – мусульманское религиозное движение – для населения, а также внедрить его через прессу.

Прошло несколько месяцев, которые потребовались, чтобы выяснить, каким в республике был общественный резонанс на предпринятые таким образом меры. Получив эти данные, в ЦК ВКП(б) решили действовать дальше. 3 декабря 1926 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос об опубликовании Татарским обкомом постановления о мусульманском религиозном движении и было решено отложить его до следующего заседания. 10 декабря 1926 г. на заседании оргбюро был рассмотрен данный вопрос, представленный заведующим Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) В. Г. Кнориным, и было решено указать обкому, как записано в протоколе, «на недопустимость опубликования» им в журнале этого постановления, «как содержащего решения секретного характера». Кнорин заявил, что это постановление содержало ряд мер, опубликование которых, по его мнению, было «политически совершенно нецелесообразно и недопустимо», а именно: например, п. 3 (о просьбе к Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) оказать срочное содействие в издании антирелигиозной литературы для тюркских районов и республик); п. 6 (о необходимости тщательного надзора за деятельностью мусульманского духовенства с изложением соответствующих обязанностей на органы ГПУ; п. 10 (об усилении работы по использованию разногласий среди мулл). Вообще, по мнению Кнорина, не следовало публиковать все постановление, «как говорящее о мерах борьбы с мусульманским религиозным движением и муллами»⁸. Такой вывод означает, что обнародование мер, нацеленных на борьбу с влиянием ислама, не принесло желаемых цековской верхушкой результатов и вызвало недовольство среди тех ее представителей, кто считал, что следует хранить в секрете истинные намерения высшего политического руководства СССР. Критика Кнориным неправильных, на его взгляд, действий Хатаевича стала известна в Казани, где руководство обкома попыталось доказать перед ЦК свою правоту.

В январе 1927 г. Татарский обком вновь рассмотрел вопрос о религиозном движении. Прошедший период с момента публикации этого постановления, т.е. около четырех месяцев, уверял Хатаевич, характеризовался резким снижением числа религиозных школ и активности духовенства. Он считал, что причиной такого, с его точки зрения, успеха явились административно-запретительные меры, когда разрешения на открытие школ намеренно оттягивались, статьи в местной печати носили характер травли мусульманского духовенства и т.п. При этом он сам же признал, что одновременно наблюдалась тенденция к созданию нелегальных религиозных школ⁹. Такой результат был явным признаком провала в религиозной политике представителей власти, как центральной, так и региональной, но работа цекистов над этим постановлением не только не продолжилась, но и расширилась.

14 февраля 1927 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос «О мусульманском религиозном движении среди татаро-башкирского населения РСФСР». Для участия в этом заседании были вызваны следующие высокопоставленные представители власти: председатель Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославский, В. Г. Кнорин, заместитель начальника Восточного отдела ОГПУ при СНК СССР Н. А. Волленберг, заместитель заведующего

Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) С. М. Диманштейн, член Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) и глава Секретариата по делам культов П. Г. Смидович, М. М. Хатаевич, ответственный секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И. А. Зеленский, секретарь Северо-Кавказского крайкома В. И. Иванов, второй секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А. И. Икрамов, ответственный секретарь Казакского (Казахстанского) крайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекин¹⁰. Состав приглашенных участников этого заседания свидетельствует о том, в оргбюро было решено существенно распространить применение подобного постановления и внести значительные изменения в его текст с учетом интересов представителей от разных органов власти и частей страны.

21 апреля 1927 г. состоялось совещание, созванное Антирелигиозной комиссией. В нем участвовали заместитель председателя данной комиссии К. А. Попов, ее члены П. А. Красилов, П. Г. Смидович, М. О. Логинов, секретарь этой комиссии Е. А. Тучков, И. А. Зеленский, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е. Г. Евдокимов, первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) Б. Э. Калмыков, первый секретарь Адыгейского обкома ВКП(б) Ш.-Г. У. Хакурате, Ф. И. Голощекин, председатель Казакской краевой контрольной комиссии ВКП(б) И. Т. Морозов, М. М. Хатаевич, ответственный секретарь Крымского обкома ВКП(б) С. Д. Петропавловский, председатель ЦИК Крымской АССР В. И. Ибраимов, председатель СНК Крымской АССР Э. Б. Шугу, ответственный секретарь Башкирского обкома ВКП(б) Э. И. Юревич, второй секретарь Башкирского обкома ВКП(б) Ф. Х. Исмаилов, Н. Л. Волленберг, ответственный секретарь Центрального бюро татаро-башкирских секций при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б) Г. А. Динмухаметов, С. М. Диманштейн, руководитель восточной группы Женского отдела ЦК ВКП(б) Т. Л. Любимова, руководитель группы по работе среди женщин Востока ЦК ВКП(б) А. И. Нухрат и представитель Чеченской автономной области (его фамилия отсутствует в документе). Участники совещания пришли к выводу, что все практические мероприятия по борьбе с мусульманским религиозным движением применимы ко всему СССР, но нуждаются в некоторых дополнениях. Однако общая вводная часть о состоянии и политическом значении мусульманского религиозного движения была снята в этом варианте, так как при голосовании за такое введение высказались 10, а против – семь участников. И в результате совещание постановило лишь довести до сведения оргбюро о наличии двух мнений по этому вопросу¹¹. Учитывая, что документ готовился в Антирелигиозной комиссии, ее представители вместе с другими работниками ЦК составили большинство при голосовании за вводную часть, которая отсутствует в архивном деле, что не позволяет понять, против чего голосовала эта семерка. Нет данных также о том, кто в нее вошел.

27 апреля 1927 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос, который уже назывался так: «О мусульманском религиозном движении». Для обсуждения его были вновь вызваны Ярославский, Попов, Диманштейн, Волленберг, Смидович, Голощекин, Ибраимов. Этой семерке удалось провести свой замысел: было решено считать предложенную резолюцию в основном приемлемой для большинства национальных республик и областей РСФСР. Первый пункт проекта постановления, получившего название «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением», гласил: «Имея в виду, что одной из важнейших причин роста мусульманских религиозных школ при мечетях является недостаток и плохая постановка советских школ, поручить президиумам ЦИКов и наркомпросам соответствующих республик принять меры к улучшению постановки советской школы в районах мусульманского населения и по поднятию квалификации учительского персонала и его политическому воспитанию, в частности в вопросах об отношении советского государства и школы

к религии». Пункт 2 постановления указал ЦИКа этих республик провести в законодательном порядке соответствующие изменения постановления ЦИКа от 29 мая 1923 г. В п. 5 постановления было сказано, что редактирование антирелигиозной литературы для мусульманского населения нужно возложить на соответствующие обкомы, которые действуют согласованно с Антирелигиозной комиссией. В п. 7 постановления местным партийным и комсомольским организациям было предписано развивать воспитательную работу среди «отсталой части» партийцев и комсомольцев, направленную к «окончательному изживанию религиозных настроений, и в особенности бороться с имеющимися место случаями исполнения коммунистами религиозных обрядов». Пункт 11 постановления требовал провести полное изъятие из рук мулл ведение актов гражданского состояния и не допускать составления ими списков верующих и неверующих в качестве, как сказано в документе, «оружия воздействия на культурно отсталую часть населения». В п. 12 постановления указывалось усилить борьбу против использования мусульманским духовенством «в контрреволюционных целях» съездов, конференций, проповедей в мечетях, курсов по переподготовке мулл, групп обучающихся при мечетях вероучению и т.п., «не останавливаясь перед применением репрессивных мер. ОГПУ и НКВД дать соответствующие указания своим местным организациям». В п. 13 постановления ОГПУ и НКВД предписывалось принять «решительные меры для искоренения всяких способов денежных и натуральных обложений духовенством верующего населения в пользу религиозных школ». Последний 14-й пункт постановления гласил: принять меры к недопущению объединения мусульманского духовенства в единую централизованную религиозную организацию и против распространения влияния Центрального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири на Северный Кавказ и Среднюю Азию¹². Этот проект был основан на казанском постановлении и был нацелен для распространения не только на республики и области РСФСР с татаро-башкирским населением, но уже и на все другие республики и области СССР с мусульманским населением.

Вернувшись в Казань, Хатаевич, зная о намеченных в оргбюро жестких мерах в отношении мусульманского населения, следовал им. Его управление национально-религиозными аспектами жизни татарского населения Татарской республики вызвало протесты даже у коммунистов-татар. На заседании Бюро Татарского обкома и президиума Областной контрольной комиссии 15 ноября 1927 г. ее председатель татарский коммунист обвинил Хатаевича в шовинизме. Критика его национальной политики в Татарстане, отмечает И. Р. Тагиров, имела реальную основу¹³.

Вопрос о мусульманском религиозном движении и соответствующий проект с внесенными значительными поправками были рассмотрены на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 12 апреля 1928 г. На это заседание были вызваны только Ярославский, Смидович, Тучков и заместитель начальника Восточного отдела ОГПУ Х. С. Петросян. В итоге было решено принять проект и внести его на утверждение Политбюро ЦК ВКП(б). Наиболее важным является п. 8 этого проекта, где сказано, что «утрачивается школьный характер занятий групп по ознакомлению с основами религии, и потому во всех законодательных положениях и официальной переписке по этому вопросу термин “религиозные школы” должен быть упразднен»¹⁴. 3 мая 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило этот проект и решило предложить Президиуму ЦИК СССР отменить закон ВЦИК о мусульманских религиозных школах и произвести эту отмену по предложению национальных республик¹⁵. 30 мая 1928 г. Президиум ЦИК СССР принял соответствующее постановление¹⁶. Получив из Москвы секретную директиву Политбюро о борьбе с мусульманским религиозным движением, руководители республик и областей во всем СССР стали активно искать врагов.

О том, как это происходило, например, в Татарской АССР, свидетельствует докладная записка «Об усилившемся мусульманском религиозном движении в Муслюмовском, Мензелинском и Акташском районах Татарии» от 13 марта 1932 г., подписанная председателем Татарской областной контрольной комиссии Г. Г. Байчуриным. 15 апреля 1932 г. данная записка из ЦКК ВКП(б) – Наркомата РКИ СССР была направлена в ЦК ВКП(б).

В ней сказано, что примерно с декабря 1931 г. в этих районах стало замечаться это движение. Одной из главных причин его, как сказано в документе, «оживления» было якобы личное воззвание муфтия Центрального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири Р. Ф. Фахретдинова, обратившегося ко всем мусульманам с призывом к проведению кампании по сбору средств на нужды этого учреждения, находившегося в Уфе. В результате того, что это воззвание попало в ряд селений этих районов, по выражению Байчурина, «актив религиозников» начал усиленно будировать верующие массы, проводя сборы пожертвований, составляя списки верующих и ведя подготовку к предъявлению требований о возвращении ранее закрытых мечетей. Средства собирались весьма активно и отправлялись в это управление. Возвратившиеся из Уфы посланцы привозили новые указания о необходимости усиления религии, горячие благодарности от муфтия и членов управления за оказанную помощь, что еще больше возбуждало, как сказано в документе, «религиозный фанатизм масс». К началу февраля 1932 г. в некоторых селениях «религиозное движение настолько активизировалось, что руководящий состав религиозников начал переводить религиозное движение в русло антиколхозного движения путем внедрения в сознание верующих масс того, что колхоз несовместим с религией и что если в колхозе состоишь, значит, безбожник и продавший свою религию, а если в списки верующих записался, то должен немедленно выйти из колхоза»¹⁷. Такая постановка вопроса не могла не влиять на состояние колхозов и на «почве религиозного движения стали наблюдаться частичные выходы из колхозов в этих районах». Во всех остальных районах Татарской АССР с татарским населением религиозный вопрос также являлся, писал Байчурин, «одной из основных ширм, за которую прятался кулацко-контрреволюционный элемент в своей борьбе против колхозов». Далее он приводил примеры этого движения в указанных районах. Так, в д. Чурашеве Мензелинского района на собрании верующих в мечети муэдзин, обращаясь к ним, сказал: «Довольно скрываться под одеялом, теперь я буду кричать “Азан” с минарета, раз нам правительство дало такую волю, будем без боязни посещать мечеть». В конце декабря 1931 г. в д. Ташляйрове Муслюмовского района произошло выступление женщин, которые толпой в 30-40 человек во главе с женой члена сельсовета Х. Юсупова явились в помещение сельсовета и стали требовать выдачи инструкции по составлению списков верующих, говоря, что инструкция эта имеется, но что сельсовет ее скрывает. На второй день после этого жена заместителя председателя сельсовета С. Мустафина явилась в сельсовет и подала заявление о выходе из колхоза. Ее примеру последовали другие женщины. Мулла д. Сулы-Саклово Мензелинского района воспринял происходившие события таким образом: «По-видимому, для религии открылась дорога...». В январе 1932 г. житель д. Гиамьяны Муслюмовского района Шаяхметов ночью созвал собрание верующих, на котором присутствовали 45 человек. Они обсуждали вопрос о необходимости возвращения мечети, об открытии религиозной школы и о сборе средств на содержание духовного управления. 19 января 1932 г. в Муслюмовский райком ВКП(б) приходили три женщины из д. Тойгильдино и просили выдать им разрешение на поездку в Уфу к муфтию с ходатайством об открытии религиозных школ. При этом они утверждали, что в других районах подобное разрешение давно получено. Мутавалий д. Большой Чекмак Муслюмовского района, будучи на базаре,

говорил, что духовное управление предлагает торопиться с составлением списков верующих, что, по словам его членов, как только списки верующих появятся, то колхозы сами по себе развалятся. Мутавалий д. Именли этого же района М. Иликов, согласно указаниям духовного управления, начал составлять такие списки. В связи с этим жители стали приходить в его дом, чтобы записаться в список. При этом он говорил им, что если они хотят быть верующими, то пусть сейчас же подают об этом заявление и предупредил, что в колхозе религии не будет. В д. Баюково этого же района также происходила усиленная «вербовка» населения в подобный список. Один из религиозников при этом говорил: «У нас составили список верующих, записались все, это дело очень необходимое, оно предварительно было проработано одним английским профессором, который имеет связь с Лигой мусульман всего мира»¹⁸.

Далее в записке отмечалось, что 1 февраля в д. Новое Акбязово Муслюмовского района на собрании колхозников выступила религиозница, которая сказала: «Нам нужна религия, пусть дети обучаются религии, религиозные дела не должны притесняться, они не должны ставиться в зависимость от сельсовета, в религиозных собраниях пусть участвуют и женщины». 18 февраля мутавалий д. Нижний Табын этого же района Фаткуллин сказал, что колхозы с религией не могут существовать и разложатся. Возвратившийся из Уфы мутавалий д. Баюково данного района Зайнуллин, передавая разговор с муфтием, сказал: «Муфтий очень хорошо встречает, беседует по 4 часа, выслушивает все просьбы и недостатки в вопросах религии, и сам расспрашивает о том, как нажимают на религию местные работники и все это записывает. Муфтий говорил о том, чтобы те, кто не представил списки верующих, пусть торопятся их представить, так как муфтий весной на первых пароходах поедет за границу на съезд представителей 12 государств»¹⁹.

Далее Байчурин сообщал, что в Красно-Камском районе Башкирской АССР была «вскрыта контрреволюционная организация религиозников, занимающаяся распространением контрреволюционных листовок и религиозных воззваний». Часть этих воззваний проникла в некоторые селения Актанышского района Татарской АССР, расположенные на границе с Башкирией. В частности, воззвания были обнаружены в селениях Барсуково и Чуракаево Актанышского района, они имели следующее содержание: «Угнетаемые много лет в колхозе, мусульмане, усиливайте религию, усиленно посещайте мечеть, только тогда можно вернуться к старой жизни. Разъясните секретно верующим, что колхозы необходимо распустить, семена разделить, весенний сев произвести в индивидуальном порядке, разделить землю...».

По мнению Байчурина, изложенный фактический материал свидетельствовал о том, что особенно сильно пораженным религиозным движением является Муслюмовский район (свыше 13 селений) и меньшая часть селений Мензелинского и Актанышского районов, также подверженных этому движению. Его выводы таковы:

1. Составление списков верующих, «с вытекающим отсюда общим повышением религиозного движения», начато по указаниям, полученным из духовного управления, и «явно проводится с целью дезорганизации и разложения колхозов».

2. Следствием составления таких списков является то, что в некоторых селениях происходят «демонстративные сборища женщин с требованием о выдаче разрешения на открытие религиозных школ. Одновременно со стороны религиозного актива проявляются тенденции к отобранию ранее закрытых мечетей».

«3. На почве усиления религиозного движения, на почве пораженческой агитации, ведущейся религиозниками и насаждения ими слухов о том, что после свержения советской власти лица, не зарегистрировавшиеся в списках верующих, будут расстреливаться, наблюдаются случаи выхода из колхоза...

4. Местами в некоторых селениях борьба партийно-советского актива с религиозными предрассудками принимают уродливую форму и выражается в налетах на дома религиозников и отбирании у них списков верующих, что ни в какой степени не способствует созданию благоприятной обстановки в селении.

5. Наряду с этим частично наблюдается обратное явление, выражающееся в том, что актив идет по линии наименьшего сопротивления и сам вступает в число верующих...»²⁰.

Многие из участников вышеупомянутых событий были подвергнуты различным формам давления и преследования со стороны властей. К примеру, упомянутый М. Иликов, уроженец д. Кандры-Аминево Белебеевского уезда Уфимской губернии, был арестован 29 апреля 1931 г. и реабилитирован в сентябре 1931 г.²¹

Изложенные в этой записке факты свидетельствуют, что ни запугивания, ни терроризирование, ни репрессии не снизили уровень религиозности местных татар. Резко усилилось массовое недовольство действиями власти, стремившейся к уничтожению мусульманского образования, что подрывало духовную основу жизни подрастающего и будущих поколений татарского народа.

Собранные сведения, их интерпретация и сделанные Байчуриным выводы оценили в Москве в духе того времени: в начале 1934 г. его назначили председателем Президиума ЦИК Татарской АССР, однако уже в 1937 г. его арестовали, обвинив в причастности к «пантюкистской контрреволюционной организации», и в 1938 г. расстреляли.

Таким образом, декларируемое в советской Конституции 1918 г. право советских граждан на религиозную пропаганду было воспринято в мусульманском населении СССР как возможность, которую власть предоставила для свободы религиозной жизни, что привело к заметному подъему мусульманской жизни, в том числе в Татарской республике. Это конституционное право было изъято в 1929 г. из Конституции РСФСР, а в 1936 г. – из Конституции СССР. Это было следствием утвержденного 3 мая 1928 г. секретного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о борьбе с мусульманским религиозным движением. Партийная верхушка поставила в нем задачу, по сути, приступить к полному изживанию, к искоренению влияния исламской религии в жизни советских граждан, что, однако, стало фактором обострения и без того тяжелой социально-экономической и социально-политической ситуации тех лет, усугубив при этом межнациональные и межконфессиональные отношения, еще более усиливая раскол общества и дестабилизируя общее политическое положение СССР, в том числе в таких регионах, как Татарская АССР.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Хакимов Р. Ш.* Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий. – Челябинск, 2013. – С. 98.
2. *Тагиров И. Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2000. – С. 226.
3. *Миннулин И.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920-1930-е гг.). – Казань, 2006. – С. 42, 51.
4. Указ. соч. – С. 52-53.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 113, д. 248, л. 57-58.
6. Там же, л. 60, 61, 63.
7. Там же, л. 64.
8. Там же, д. 246, л. 3, 50; д. 248, л. 4, 55, 56.
9. *Миннулин И.* Указ. соч. – С. 53, 162.
10. РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 265, л. 3.
11. Там же, д. 285, л. 55, 57.

12. Там же, л. 3, 45-48.
13. Тагиров И. Р. Указ. соч. – С. 228.
14. РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 612, л. 2, 19.
15. Там же, оп. 3, д. 685, л. 3.
16. Миннулин И. Указ. соч. – С. 162.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 3, оп. 61, д. 607, л. 90, 101.
18. Имеется в виду Всеиндийская мусульманская лига, которая была основана в 1906 г. для защиты в Индии прав мусульманского меньшинства от индуистского большинства. Руководство лиги призывало к предоставлению Индии права самоуправления. О каком профессоре идет речь, установить не удалось.
19. О каком мероприятии идет речь, установить не удалось. Скорее всего, допущена путаница в изложении событий, так как Всеобщий исламский конгресс состоялся в Иерусалиме 7-16 декабря 1931 г., куда съехались более 130 делегатов из 22 стран. Делегатов от СССР на нем не было. Российских мусульман представляли политэмигранты – известные в тюркско-мусульманском мире татарский писатель, политик Г. Исхаки, татарский богослов М. Бигеев, а также внук имама Шамиля С. Шамиль.
20. РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 607, л. 100-106.
21. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://lists.memo.ru/d14/f246.htm> (дата обращения: 28.12.2023).

Список литературы

Миннулин И. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920-1930-е гг.). – Казань, 2006. – 220 с.

Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2000. – 310 с.

Хакимов Р. Ш. Красная звезда против полумесяца: противостояние десятилетий. – Челябинск, 2013. – 735 с.

References

Hakimov R. Sh. *Krasnaya zvezda protiv polumesyaca: protivostoyanie desyatiletij* [Red star versus crescent moon: confrontation of decades]. Chelyabinsk, 2013, 735 p.

Minnulin I. *Musul'manskoe duhovenstvo i vlast' v Tatarstane (1920-1930-e gg.)* [Muslim clergy and power in Tatarstan (1920-1930)]. Kazan, 2006, 220 p.

Tagirov I. R. *Istoriya nacional'noj gosudarstvennosti tatarskogo naroda i Tatarstana* [History of the national statehood of the Tatar people and Tatarstan]. Kazan, 2000, 310 p.

Сведения об авторе

Исхаков Салават Мидхатович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: rusrevref@mail.ru

About the author

Salavat M. Iskhakov, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences, e-mail: rusrevref@mail.ru

В редакцию статья поступила 16.01.2024, опубликована:

Исхаков С. М. К вопросу о советской государственной вероисповедной политике: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о борьбе с мусульманским религиозным движением (1927-1928 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2024. – № 1. – С. 44-55.

Submitted on 16.01.2024, published:

Iskhakov S. M. *K voprosu o sovetskoj gosudarstvennoj veroispovednoj politike: postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) o bor'be s musul'manskim religioznym dvizheniem (1927-1928 gg.)* [On the issue of Soviet state religious policy: resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the fight against the Muslim religious movement (1927-1928)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2024, no. 1, pp. 44-55.